

Ехшштурмен
Савва
(Остапенко)

Мизнеописание

•
*Полное собрание
проповедей и поучений*

Том I

Москва
Издательство «Апостол веры»
2017

УДК 271.22-475.5

ББК 86.37

О 77

*Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
№ ИС Р17-620-0763*

Схиигумен Савва (Остапенко)

О 77 Полное собрание проповедей и поучений: в 2 томах / Схиигумен Савва (Остапенко). — М.: Православное издательство «Апостол веры» (ИП Семенец И.Ю.), 2017. — 624 с.

27/14 июля 1980 года в Псково-Печерском монастыре окончил свой жизненный путь и иноческий подвиг схиигумен Савва, известный многим православным людям. С именем схиигумена Саввы неразделим образ верного доброго пастыря Христова, в продолжение многих десятилетий верою, любовью, благодатными дарованиями служившего Церкви Божией. Он был образом чистоты, доброты, духовной мудрости. В ревностном служении Богу и Церкви его можно сравнить с теми, кто, подобно апостолу Павлу, полагал душу свою за пасомых, был в муках рождения, чтобы в верных чадах изобразился Христос.

Но и теперь духовные чада старца Саввы продолжают делиться свидетельствами о его благодатной жизни, о духовных дарах, полученных от общения с батюшкой, о силе его молитв, проповедей и поучений. Свидетельства эти собраны в большом двухтомнике — полном собрании проповедей и поучений схиигумена Саввы.

ISBN 978-5-9908988-2-0

ISBN 978-5-9908988-3-7 (т. 2)

© Издательство «Апостол веры»

(ИП Семенец И.Ю.), 2017

Жизнеописание
старца схимонаха
САВВЫ

Детство

и жизнь в миру до монашества

М жизнь схиигумена Саввы до поступления в монастырь осталась нам мало известной. Биографические данные весьма скудны, да и их приходилось собирать по крупицам. Старец не любил говорить о себе.

Родился он на Кубани в простой, но благочестивой и истинно христианской семье 12/25 ноября 1898 года и во святом крещении был наречен Николаем в память святителя Мирликийского Чудотворца. Родители его Михаил и Екатерина передали своим детям (а их было восемь человек: три сына и пять дочерей) все те боголюбезные навыки, которыми владели сами.

Дети жили в атмосфере христианской любви, не зная грубых наказаний, да и не было необходимости их наказывать. Детям никогда не приходилось быть свидетелями криков, брани. На их воспитание оказывали влияние не столько слова родителей, сколько поступки.

Детей оберегали от всего дурного: не разрешали им долгих уличных гуляний, особенно вечерних, ограждали от вредных, бесполезных сообществ, воспитывали в них трудолюбие и честность, любовь к людям, а прежде всего к Богу, приучали их к молитве. В такой благодатной атмосфере протекали детство, отрочество и юность Николая.

Из всех детей в семье выделялся именно он, по счету пятый. Рос он мальчиком особенным. Живой и подвижный, наделен был большой понятливостью и быстрым умом, а вместе с тем чуткостью и внимательностью ко всем окружающим. Сердце его с ранних лет было устремлено к Богу. Чуткий ко

всему доброму, Коля, по примеру своих благочестивых родителей, любил ходить в храм Божий. Родители поощряли в детях любовь к храму и потому за трапезой награждали вкусными лакомствами тех, кто в храме внимательно слушал Апостол и Евангелие и безошибочно все пересказывал.

Бывало, отец или мать скажет:

— А ну-ка, кто лучше расскажет сегодняшнее Евангелие?

Наперебой дети старались рассказывать, но лучше всех это делал Коля.

С шести лет его определили в церковно-приходскую школу. Там проявилась его большая способность к учению. С восьми лет он уже читал и пел на клиросе. В это время золотого детства он приобрел то религиозное настроение, которое не покидало его в продолжение всей жизни.

Особенно сильное влияние оказала на него мать — женщина разумная, сиявшая глубоким истинным благочестием. Сам батюшка впоследствии, вспоминая о своей родительнице, выражал ей глубокую признательность за доброе воспитание, ибо доброе воспитание дает добрый плод — сохранение благодати Святого Крещения. Высокими духовными преимуществами обладает тот, кто сохранил благодать Крещения и с ранних лет посвятил себя служению Богу.

Известен случай из жизни старца, говорящий о том, что он с детства был избранным сосудом Божией благодати.

Однажды зимой старшая сестра Иулиания пошла на речку полоскать белье. С нею пошел и восьмилетний Коля. Играя на льду, он внезапно провалился в прорубь, и сестра с большим усилием извлекла его из-под льда. Мальчик тяжело заболел. Вся семья встревожилась за своего любимца. И вот болящий мальчик видит видение. Об этом батюшка сам поведал одному духовному лицу:

— Ночью я долго не мог уснуть и вдруг вижу на потолке себя уже взрослым в сане священноинока, и сердце мое как-то неизреченно возрадовалось. После этого быстро поправился. Размышляя об этом видении, я решил, что мне надо уйти в монас-

тырь. Однажды хотел тайно бежать с одним монахом-паломником, но тот уговорил меня обождать еще год-два и тогда обещал прийти за мною. Монах, видимо, пожалел моих родных.

Появившееся в душе отрока сначала неопределенное, но потом непреодолимое влечение к монашеству и было, как оказалось позже, призывом свыше на путь иноческий.

Вот еще случай, показывающий, как Всевидящее Око наблюдало за Своим избранником от самого его детства.

Однажды зимой отец взял его с собой в город. Когда они возвращались домой, стая голодных волков напала на них. Лошадь вся дрожит, а отец Николая от испуга только повторяет:

— Господи, помилуй! Господи, помилуй! Коля, молись! Молись, сынок! Читай «Богородицу»!..

Маленький Коля начал громко молиться:

— Богородице Дево, радуйся, Благодатная Марие, Господь с Тобою; благословенна Ты в женах и благословен плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших.

Молится, а сам смотрит на волков (он принял их за собак) и думает: почему они щелкают зубами, поднимают головы вверх и воют?..

Волки гнались за ними почти до селения, но не прикоснулись к ним. Господь сохранил от смерти будущего верного служителя Своего алтаря, через которого спаслось множество душ.

Население тех мест отличалось большой религиозностью. Христиане часто совершали паломничество по святым местам, монастырям.

Родители Николая тоже часто, особенно на большие праздники, уезжали в монастыри помолиться и брали с собой детей. Отрок Николай не пропускал ни одного такого случая и вместе с родителями усердно там молился. Как в мужских, так и в женских монастырях все ему нравилось: продолжительные службы, смиренное одеяние, красота храмов, звон, смиренный вид молящихся, послушание, но более всего — стремление к вечной жизни. Он говорил родным:

— Вырасту — буду монахом!

Сестры ему отвечали:

— Найдется хорошая девушка, и мы тебя женим!

Он просил их со слезами молиться Богу и Матери Божией, чтобы быть ему достойным монахом. Благочестивые родители, особенно мать, поддерживали его стремление к монашеству и своей высоко нравственной жизнью сеяли доброе семя в душе сына.

Во дворе, где они жили, было два странноприимных дома, где останавливались паломники. Среди них было много монахов и благочестивых христиан. Хорошая мать любила принимать странников и щедро раздавала милостыню. Крепко верила она в Бога и в Промысл Божий о людях, все в жизни расценивала с духовной точки зрения. Угощая странников, она иногда делилась с ними последним.

— Катя, да ты опять детям-то ничего не оставила! — скажет, бывало, отец.

— Бог пошлет! — отвечала она.

Для наблюдательного, чуткого мальчика все это не могло пройти бесследно. Не здесь ли таится разгадка того необычайного милосердия, той нежной попечительности о ближних, которые всю жизнь были присущи ему?

Николай был любим всеми. Да и как было не любить этого ласкового, внимательного и веселого мальчика? Он к каждому спешил на помощь — и делом, и словом участия.

В то же время он был очень жизнерадостным, подвижным, затейливым на всякие забавы. Своими шалостями он иногда огорчал родителей, и батюшка до конца своей жизни вспоминал «этих детских проказ неудачи и печальное мамы лицо», о чем говорится в его стихотворении «Я люблю панихиды».

— Бывало, смотришь — у мамы обиженное, печальное лицо. Подойдешь к ней, бросишься в ноги, попросишь прощения за свои шалости, и мама совсем другая станет. А то накажет нас, поставит в угол, а сама уйдет в другую комнату, встанет на колени перед иконами и молится со слезами: «Царица Небес-

ная, я наказала их, но исправить не могу! Ты Сама их исправь, как знаешь!» А мы подсмотрим, что мама делает, и нам сделается жалко ее, и тогда опять просим у нее прощения, станем тоже на коленочки и начнем вместе с ней молиться, чтобы Господь простил нас. И все менялось.

О доброй родительнице батюшки нам известно еще, что жила она до пятидесяти трех лет. После короткой, мучительной болезни малярии, длившейся всего семь дней, она тихо скончалась с молитвой на устах. Перед смертью, благословив детей, она подозвала Николая, благословила его иконой Казанской Божией Матери и наставила, как надо жить, а потом сказала:

— Коля, сестренку младшую, Веру, не оставляй!

Затем, обращаясь ко всем, добавила:

— А теперь не мешайте мне... — И с молитвой тихо отошла ко Господу.

В своем стихотворении «Завещание мамы» отец Савва воспроизводит последние минуты ее жизни.

*Помнится мне, дорогая,
Вечер последний с тобой,
Тяжким недугом страдая,
Ты отошла в мир иной.
И, умирая, твердила:
«Сын мой, будь честен всегда,
Как бы тебя ни давила
Жизни суровой нужда.
Не подчиняйся пороку,
Лживых людей избегай,
С твердою верою в Бога
Скромный свой путь совершай,
Помни: ни злато, ни почесть
Счастья тебе не дадут, —
Только спокойная совесть,
Честный, осмысленный труд...»*

*Смолкла ты... Руки ломая,
Я перед трупом стоял
И, неутешно рыдая,
Клятву быть честным давал.
Матушка, скоро мы оба
Встретимся в жизни иной:
Крышка соснового гроба
Скоро закроет прах мой.
Клятву сдержал я, родная,
Честь свою свято хранил,
В жизни так много страдая,
Верен все время ей был.*

Отец его, Михаил, умер в голодное время на Кубани на 78 году жизни от истощения, между тем сам много помогал голодающим. Дедушка Михаил, здоровый, богатырского телосложения, был благочестив; никогда не раздражался, не сердился, не курил, не любил спиртных напитков, никогда ничем не болел, жил до 93 лет и за три дня, по особому откровению Божию, предсказал свою кончину. Дедушка со стороны матери, Иосиф, тоже отличался благочестием (жил в другой станице). Младшая сестра Варвара, тихая смиренная девочка, скончалась шести лет. Накануне смерти она сказала матери:

— Мама, я завтра умру, там лучше!

А утром простилась со всеми и отошла ко Господу. На третий день Святой Пасхи тихо скончалась его старшая сестра Иулиания. Перед смертью она просила родных сообщить о ее кончине брату и хотела, чтобы он сам совершил чин отпевания ее души.

В этом же году перед Рождеством Христовым умерла его сестра Лукия, а вскоре после этого — брат Григорий. Старший брат Василий учился отлично, не курил, не любил спиртных напитков; был убит на войне.

Николай уже в детские и отроческие годы читал много священных книг, любил Евангелие. Его сердце с жадностью

впитывало в себя поучения и примеры жития Господа Иисуса Христа, Его Пречистой Матери и святых угодников Божиих. Душа его всегда пребывала в свете незлобия и искренней любви к Богу, ближним и врагам. А слова из Евангелия, сказанные Спасителем богатому юноше: «Аще хочещи совершен быти, иди, продаждь имение твое и даждь нищим, и имети имаше сокровище на небеси, и гряди вслед Мене» (Мф. 19, 21), — так глубоко запали в сердце его, что он начал постоянно думать о том, как бы ему, отрекшись от мира, пойти по стопам Господа Иисуса Христа. Он еще больше возлюбил Святое Евангелие, в чтении его открывал для себя истинный смысл жизни и черпал первые уроки высокой мудрости духовной.

Уже в детстве Николай хорошо знал Библию, но особенно любил читать писания святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова.

— Помню, когда я был мальчиком, — рассказывал отец Савва, — я больше всего любил читать Святое Евангелие от Иоанна и послания его. Во время такого чтения мне делалось так сладко и хорошо на душе, что я забывал о земле и о земном.

Детские забавы и утехи почти совсем перестали увлекать его, он все чаще и чаще стал уединяться для молитвы. Молитва стала для него лучшим утешением, самой большой радостью. Даже в детские годы он уже испытывал сладость молитвенных слез. И эта искорка добра и правды Божией не потухла, а разгоралась все сильнее и сильнее и, наконец, с возрастом разгорелась в великое пламя Христовой любви с жадной спасти ближних, спасти всех.

Но вот, как сон, пролетела пора золотого детства, прошли и отроческие годы. Началась империалистическая война (1914 г.). Николая досрочно мобилизовали в армию и направили на Турецкий фронт.

После войны он продолжал свое образование, будучи курсантом военно-инженерного училища. Затем проходил действительную службу в армии в технических войсках, а

потом окончил Московский инженерно-строительный институт и работал в Москве по специальности.

Шумный водоворот мирской жизни не поглотил святые чувства и желания будущего старца; где бы он ни был, всюду не переставал пламенно любить Бога. По-прежнему он находил наслаждение в молитве и чтении духовно-нравственных книг, ходил в храм Божий. Часто со знакомой монахиней он ходил читать Псалтирь по усопшим, что доставляло ему большую духовную радость. Вспоминая об этом, он рассказывал такой случай:

— Однажды вместе с псаломщицей я поехал за город читать Псалтирь по благочестивой новопреставленной девице Пелагии. С вечера, выпив стакан чаю, сразу приступил к чтению Псалтири, а псаломщица легла отдохнуть в соседней комнате. Долго я читал Псалтирь, потом прочитал акафист по усопшим, при этом усердно молился об их упокоении, вспоминая всех поименно. Спать не хотелось. В четыре часа утра проснулась псаломщица и стала читать Псалтирь, а я, не раздеваясь, прилег на скамейке. Оставалось мало времени, надо было ехать на работу. И вот в тонком сне вижу видение: по улице мимо окна идет много разных людей: молодые и старые, калеки и здоровые, и все смотрят на окно и кланяются мне. Среди них была и новопреставленная Пелагия. И я понял, что это были усопшие.

Как пшеница посреди терния, пребывал он в мире. Страх Божий и любовь к Богу утверждали его среди путей мира на незыблемом камне заповедей Господних и ограждали его от мирских соблазнов.

Желание быть монахом не покидало его, несмотря на то, что монастыри в то время были закрыты. Еще больше утвердилось в нем это стремление после бывшего ему в 35-летнем возрасте дивного видения:

— Ночью молился я перед чудотворной иконой Казанской Божией Матери (материнское благословение). В тонком сне явилась мне святая жена необыкновенной чистоты и кра-

соты. Кто она, я не знал. Святая жена раскрыла передо мной всю красоту монашества. Она сказала, что можно спастись и в семейной жизни, но монашество выше.

После этого видения он увидел в Покровском храме икону с изображением святых великомучениц Варвары, Екатерины и Параскевы. Екатерину и Варвару он знал раньше, а в лике святой Параскевы узнал ту чудную небесную деву, которая явилась ему в видении. После этого он стал особенно чтить святую великомученицу Параскеву, указавшую ему путь к монашеству и утвердившую его на спасительном жизненном пути. В житии святителя Григория Богослова есть пояснение того, что видение такой небесной девы означает чистую и целомудренную жизнь.

С самого детства Николай имел особую любовь к своему небесному покровителю — святителю Николаю Чудотворцу, с детства хорошо знал его житие. Но вот однажды ему встретилась книга с подробным описанием чудес святителя, и у него появилось непреодолимое желание побывать в тех местах, где протекала земная жизнь Чудотворца. И вдруг произошло необычайное событие:

— Однажды, — рассказывал позднее отец Савва, — иду в храм к Божественной литургии. На пути встречается незнакомая монахиня и спрашивает: «Что ты такой печальный?» — «Да нет, никакой печали у меня нет», — говорю ей. — «Не скрывай! Знаю, у тебя скорбь, потому что никак не можешь удовлетворить свое желание. Пойдем! Скажу, что делать». Она повела меня в свой дом и там рассказала, как надо молиться и горячо просить самого святителя, чтобы осуществилось благое намерение.

— Надо с чувством, с несомненной верой, надеждой и любовью прочитать ему канон и акафист. И тогда увидишь, что будет! — Так закончила она свои наставления и отпустила меня.

Я еще успел сходить в храм к литургии. С работы пришел поздно вечером, очень утомленный. Упорно клонило ко сну, но преодолевая себя, стал усиленно молиться, как велела старица.

И что же! В сонном видении я побывал во всех местах земной жизни святителя Христова и прикладывался к его мощам, видел и даже осязал чудотворный мраморный столб, который чудесным образом был принесен для постройки. Все было так близко и осязаемо! Словами этого не выразишь. Неизреченная радость наполнила все мое существо. В восторге духа я поспешил к своей благодетельнице, но она не открыла мне дверь. Я понял, что это для моего смирения. Спустя некоторое время я пытался таким же образом побывать в других святых местах, но мне это было не дано. Очевидно, то видение дано было по ее святым молитвам.

С этого времени блаженная старица, схимонахиня Мария, стала близким другом в молитве, помощницей и благотворной участницей в духовной жизни отца Саввы во всю последующую жизнь его вплоть до кончины. Она рассказывала о том, как Николай Михайлович, тогда еще инженер, впервые обратился к ней с просьбой познакомить его с каким-нибудь старцем:

— Нет ли у тебя знакомого старца?

— Есть, — ответила она. — Только он далеко живет, не меньше 40 километров. Придется пешком идти.

— Ничего! С Божией помощью дойдем.

— Пошли. Трудно было идти, очень трудно, — вспоминала схимонахиня Мария.

Много препятствий встретилось на пути, но Господь помог. До места дошли благополучно, только пришли поздно вечером. Храм оказался закрытым.

Что делать? Впереди ночь, в домах уже и света нет. Вдруг заметили огонек. Постучали. Ответа нет. Толкнули дверь — открылась. Зашли в дом. Смотрят — больная женщина лежит на постели.

— Хозяюшка, пустите переночевать.

— Переночевать-то можно, да постелить-то нечего, — слабым голосом сказала она и вдруг заплакала.

— Ничего, мамаша. Вы не волнуйтесь, мы на стульях посидим, лишь бы крыша была! А почему вы плачете?

— Да как же не плакать-то, сынок? У людей картошка скоро зацветет, а у меня еще и не посажена...

Они переглянулись: хорошо бы помочь болящей, но за дорогу сами сильно утомились. Что делать? Николай Михайлович был готов сейчас же взяться за лопату, но боялся огорчить матушку Марию. Но она сама спросила:

— Покопаем?..

Он с радостью:

— Пойдем!

— Куда же вы пойдете-то, голодные? А у меня и поесть-то нечего... Хлебушка нет. Вон молоко стоит, соседка корову подоила. Хоть молочка-то выпейте.

Выпили по стакану молока, в сенях нашли лопаты и вышли. На счастье светила полная луна. Помолились, перекрестили участок и начали копать. А огород большой!

Николай Михайлович поднимает землю лопатой, а мать Мария картошку туда бросает. И так быстро получается! Ни сна, ни тяжести, ни усталости. Как помогают, ободряют, укрепляют чудеса Божии! Слава Господу за все во веки! У Николая Михайловича все руки оказались в мозолях. Ну еще бы — инженер, ходил с большим желтым портфелем. Работал пером, а не лопатой, вот без привычки и набил мозоли.

Утром умылись, почистили одежду, обувь и пошли в храм. Вошли одни из первых и подошли к отцу Илариону:

— Батюшка, благословите причаститься.

— Конечно! — воскликнул он. — Вчера молока напильсь, а сегодня причаститься... Идите по десять поклонов положите!

Вышли они на паперть, бьют поклоны, а входящие с удивлением смотрят. Поисповедовались, причастились...

Впоследствии отец Иларион, опытный афонский старец, стал духовным отцом Николая Михайловича.

— Отче, благословите принять тайный постриг, ведь монастыри закрыты, — просил духовный сын.

— Не спеши! Откроются монастыри, и тогда не тайный постриг примешь, а явный. Будешь жить в лавре.

Ничего не оставалось делать, пришлось терпеливо ждать.

Николай Михайлович радовался, что Господь помог ему обрести духовного отца. Кончилось время тревог, недоумений, сомнений, метаний из стороны в сторону в поисках необходимого для спасения. Наступила благодатная тишина сосредоточенного подвига.

Все свободное от работы время он посвящал молитве, посещению храмов Божиих, чтению Священного Писания и поучений святых отцов. Особенно любил он читать Псалтирь по усопшим.

День за днем, месяц за месяцем протекали годы в деятельном труде, в аскетических подвигах и благотворительности. Живя в миру, он подготавливал себя к монашеской жизни: хранил целомудрие, был нестяжателен, нес послушание духовному отцу.

Нестяжание его проявлялось до такой степени, что от большой зарплаты денег оставалось лишь на скудное пропитание — все остальное уходило на благотворительность.

Однажды случилось ему быть без работы, и опомнился он, только когда не только на питание уже не оставалось, но даже за квартиру нечем было уплатить. Что делать? Обратился с пламенной молитвой к своему покровителю святителю Николаю Чудотворцу. И — о чудо! — входит женщина и вручает ему крупную сумму денег.

Был в его жизни и кратковременный период, когда он испытывал трудности: не хватало времени, чувствовалась немощь, нападала лень, часто не выполнял правила, перестал читать Псалтирь. И вот ночью, перед рассветом, в тонком сне явилась ему Пресвятая Владычица во весь рост в торжественном виде, с короной на голове, как изображается на иконе «Всех скорбящих Радосте», и тихо, нежно сказала:

— Чадо! А Псалтирь-то читать надо! Это жизнь твоя!

Это было первое явление Божией Матери. Все трудности как рукой сняло. Появилась бодрость, горячность. С тех пор он уже никогда не прекращал чтение Псалтири, а впо-

ледствии стал возглавлять чтение «Неусыпаемой Псалтири» в Псково-Печерской обители и далеко за ее пределами.

В другой раз Она явилась ему в образе «Скоропослушницы». После этого он стал особенно часто прибегать за помощью к Божией Матери. Особенно усиленно молился он Иверской Божией Матери.

— Однажды ночью, — рассказывал он, — я молился Божией Матери. Вдруг слышу какой-то необычный звук и чувствую — идет Царица Небесная в сопровождении святых ангелов. В комнате темно, но икону видно как днем — не телесными глазами, а сердечными: риза серебряно-позолоченная, а сверху иконы — Всевидящее Око, которого на самом деле на моей иконе не было. Так продолжалось несколько минут. На душе было очень хорошо, такое состояние восторженное!..

Он понял, что Всевидящее Око наблюдает за ним и не попустит уклониться в погибель. Однако, не доверяя себе, искал ответов на волнующие его вопросы у высших духовных лиц. Вскоре представился случай побеседовать с владыкой Варфоломеем (ныне покойный митрополит Новосибирский и Барнаульский), который отличался особым благочестием. При встрече с владыкой он открыл ему те видения, откровения и страхования, которые были в его жизни. Помолвившись, владыка успокоил его и пояснил, что все это, даже страхования бесовские, есть знамение особой милости Божией над ним. А потом пророчески предсказал:

— Ты будешь священником. Трудности будут большие... Зависть и ненависть к тебе будут постоянным твоим крестом. Но не бойся трудностей. Бог тебе Помощник!

В 1941 году мобилизовали его в Наркомздрав. Он работал в отделе строительства по санитарии и профилактике древесины. Работники Наркомздрава имели временную бронь, на фронт их не брали. Все свободное от работы время Николай Михайлович использовал на добрые дела, на молитву, ходил в храм. Ему часто приходилось ездить в командировки.

В таких условиях обычно трудно бывает держать непрестанную молитву, но он без особого усилия хранил ее. Впоследствии старец говорил, что надо доводить молитву до сердца.

— Вначале молитва чувствуется в устах, потом в гортани, а потом все больше приближается к сердцу. И когда утвердится сердечная молитва, тогда человеку никто и ничто не мешает. Молитва как бы сама творится в его сердце. При этом испытываешь неизреченную сладость!

Однажды, возвращаясь с работы, Николай Михайлович зашел к старице — монахине Иринее. Она вышивала бисером небольшой бархатный мешочек. Завязалась духовная беседа. Николай Михайлович уже тогда ощущал на себе великую благодатную силу ее молитв. Он попросил у старицы что-нибудь на память.

— Подожди, — сказала она, — не торопись. Остался еще один крестик.

Беседа продолжалась. Вдруг мать Иринея порывисто встала.

— Вот тебе на память! — подавая мешочек и загадочно улыбаясь, сказала она. И вдруг поцеловала его правую руку: — Будешь священником!

Николай Михайлович вышел, но вскоре вернулся.

— А знаешь ли ты, что подарила мне? Ведь это для Дароносицы!

— Да, да! — подтвердила старица. — Не сомневайся! Будешь священником.

Предсказание ее вскоре сбылось.

Протоиерей Иоанн однажды сказал Николаю Михайловичу:

— Открывается Троице-Сергиева лавра и некоторые духовные учебные заведения. Я дам тебе рекомендацию в семинарию, при твоей глубокой вере и познаниях ты быстро окончишь ее.

Николай Михайлович сдал экзамен. Надо было прочесть Апостола, прочитать на память псалмы 50 и 90 и написать сочинение с третьего по седьмой член Символа веры с толкованием, а также написать о Спасителе.

Через несколько дней в семинарии ему объявили:

— Вы приняты! И никакая организация вас не может задержать.

Выдали справку. Освободился от работы. Зачислен в семинарию!.. Сколько счастья и радости принесло ему это событие! Наконец-то сбылись пророческие слова афонского старца об открытии монастырей, скоро исполнятся пророчества и о том, что он будет священником...

Духовная семинария в те годы была в Москве, в корпусе Новодевичьего монастыря, а потом (значительно позже) ее перевели в г. Загорск, в Троице-Сергиеву лавру.

Итак, зимой Николай Михайлович учился в Московской Духовной семинарии, а летом уезжал в Загорск и выполнял послушания в лавре по восстановительным работам.

На первом курсе семинарии он учился хорошо. На подготовку к занятиям не приходилось тратить время, т. к. все было знакомо. В свободное от занятий время помогал служить панихиды, выполнял другие послушания. По окончании первого курса его перевели сразу на третий курс. Духовный отец схиархимандрит Иларион строго предупредил:

— В Духовную Академию поступать не стремись. Жить будешь в монастыре — это тебе будет «академия смирения», которую ты должен пройти. Тебе будет трудно в монастыре, но крепись.

В благодарность Господу за помощь в учебе и за все Его благодеяния Николай Михайлович дал обет: по окончании семинарии посетить святые места: Киево-Печерскую лавру, Почаев и др. Курс семинарии он окончил в три года вместо положенных четырех лет и уже собирался выполнить свой обет, но настоятель Богоявленского собора протопресвитер отец Николай Колчицкий предложил ему идти священником к нему в собор.

— Будешь иеромонахом у мощей святителя Алексия, — сказал он.

— Нет, нет! Пойду в монастырь, — возразил Николай Михайлович. — Такова воля Божия.

Долго уговаривал его отец Николай и, наконец, сказал:
— Ну что ж, если тебе так хочется в монастырь — иди. —
И отпустил его.

Не теряя времени, Николай Михайлович сразу же отправился в святую обитель. Так кончился первый период жизни будущего старца, период длительного искуса, борьбы с самостью, миром и диаволом, подготовки к монашеской жизни. Наступил второй период его жизни — подвиг монашества, подвиг старчества.

Поступление в братство Троице-Сергиевой лавры и начало старческого служения

*Н*елегкая жизнь началась для послушника Николая со дня поступления его в монастырь. Вместе с братией много трудов положил он на восстановление обители.

Недолго был Николай в звании послушника. Это время на языке иноков называется искусом, то есть испытанием: способен ли желающий иночества вступить на трудный путь совершеннейшей жизни? Такой предварительный искуc — необходимое условие для каждого, кто уходит от мира и посвящает себя исключительному служению Богу. Наместник лавры архимандрит Иоанн ходатайствует перед Святейшим Патриархом о пострижении Николая в ангельский чин (в монашество).

И вот 25 октября/7 ноября 1948 года за торжественным всенощным богослужением в праздник великомученика Димитрия Мироточивого, Солунского чудотворца, совершилось пострижение его в монахи. Благословение же Святейшего Патриарха на постриг совпало с днем памяти великого угодника Бо-

жия, преподобного Серафима Саровского. И не случайно: батюшка очень любил его, благоговел перед избранником Пресвятой Владычицы и тайне желал носить его имя. Но Господь судил иначе. При постриге в монашество ему было наречено имя Саввы в память святого преподобного Саввы Сторожевского (Звенигородского) — верного ученика преподобного Сергия.

Пострижение было совершено наместником лавры архимандритом Иоанном, который в знак своего расположения подарил новопостриженному монаху Савве древнюю икону преподобного Саввы Сторожевского. Восприемником его при пострижении был архимандрит Вениамин — инспектор Духовной Академии, мудрый наставник и подвижник благочестия. Перед постригом архимандрит Вениамин с большим вниманием и любовью принял исповедь Николая, которая длилась два часа.

При постриге архимандрит Вениамин дал своему духовному сыну послушание — не иметь переписки с житейским миром, и он строго выполнял это послушание. Впоследствии архимандрит Вениамин благословил его писать полезные духовные ответы в книгах для общего назидания, но сказал, чтобы он никому ничего не писал лично, даже родственникам. Отец Савва с Божией помощью и во славу Божию написал книги:

1. «О иноческом постриге».
2. «Краткое описание Псково-Печерского монастыря».
3. «Краткое объяснение важнейших правил и обычаев православной христианской веры».
4. «О наградах земных и небесных».
5. «Наставление девственникам и живущим целомудренно».
6. «О покаянии».
7. «О главных христианских добродетелях и гордости».
8. «О нерадении ко спасению».
9. «Ответы на вопросы о монашестве».
10. «О Божественной литургии».
11. «Семена слова для нивы Божией» (часть 1 — проповеди с амвона).

12. «Семена слова для нивы Божией» (часть 2 — поучения на исповедях, молебнах и панихидах).

13. «Уставные особенности благочестивой традиции чтения «Неусыпаемой Псалтири» в Псково-Печерском монастыре» (для братии).

14. «Уставные особенности благочестивой традиции чтения «Неусыпаемой Псалтири» (для духовных чад).

15. «Духовно-нравственные поучения».

16. «Сборник молитв и церковных молитвословий».

17. «Дополнение к общему молитвеннику».

18. «Богородичное правило».

19. «Доказательства о бытии Божиим».

20. Духовно-нравственные стихотворения, посвященные Псково-Печерской обители и чадам.

Итак, с радостью и страхом Божиим вступил новый подвижник на узкий и тернистый путь иноческой жизни. Он был зачислен в число братии Троице-Сергиевой лавры. Мысль о том, что он принадлежит теперь Единому Богу, приводила его в неизъяснимое умиление.

Его восприемник архимандрит Вениамин заботился о добром направлении подвига нового инока. Зорко следя за своим новым послушником и видя его неусыпное бодрствование и горячую, пламенную веру, он опытным духовным взором прозревал в нем ревность о спасении людей, а потому с особой любовью стал руководить им. Монах Савва тоже полюбил святою любовью своего наставника и с преданностью отдался его водительству.

С послушания, этого краеугольного камня христианской аскетике, начал новый подвижник. Предавшись воле своего наставника, смиренный инок старался углубляться в непрестанную умно-сердечную молитву и физически трудиться, сколько было сил; слушаться во всем своих начальников и наставников, никого не оскорблять, никого не осуждать.

Строгая жизнь, особое усердие его в прохождении послушания, а также ревность и любовь к молитве — все это не мог-

ло укрыться от высшего начальства, которое с искренним уважением относилось к монаху Савве. Они прозревали в нем настоящее и будущее нравственное величие.

25 марта/7 апреля 1949 года, в день праздника Благовещения Пресвятой Богородицы в Богоявленском Патриаршем соборе Святейший Патриарх Алексей рукополагает инока Савву в сан иеродиакона, а в день торжественного праздника Обретения мощей преподобного Сергия — 5/18 июля в Успенском соборе Троице-Сергиевой Лавры — в сан иеромонаха.

Смутился смиренный подвижник от такого скорого возвышения. Он искренно желал быть привратником или нести другое подобное послушание, лишь бы быть ниже всех в обители, но Промысл Божий судил иное...

Вскоре дали ему новое послушание эконома. В тяжелые послевоенные годы пришлось ему вести строительно-восстановительные работы в обители и самому приходилось при этом выполнять самые тяжелые работы. Временами он буквально изнемогал физически. Спать приходилось по четыре часа в сутки, и однажды у него промелькнула мысль: хоть бы заболеть, чтобы выспаться и отдохнуть. И вдруг действительно у него появились нестерпимые головные боли. Он понял свою ошибку и стал искренно сокрушаться и каяться в грехах ропота и малодушия, дал обещание трудиться не покладая рук и не требуя отдыха. Тогда Господь исцелил его от болезни и даровал ему силу и крепость без устали днем трудиться, а ночью молиться. Этот дар Божий сохранился у него на всю жизнь. С Божией помощью и молитвами святых угодников Божиих послушание по восстановительным работам было успешно выполнено, за что в 1951 году отец Савва был награжден Святейшим Патриархом наперсным крестом.

Недолго пришлось ему жить под мудрым руководством архимандрита Вениамина: по своем удалении из лавры он передал батюшку на попечение мудрому старцу схиигумену Алексию. Отец Савва тяжело переживал разлуку со своим на-

ставником, но схиигумен Алексей так же полюбил отца Савву и с отеческой любовью заботился о нем.

И вот Господь призывает отца Савву к другому, более трудному подвигу, которому он и посвятил всю свою жизнь: по благословению Святейшего Патриарха наместник лавры дает ему новое послушание — быть духовником богомольцев. Батюшка возрадовался: быть только монахом, заботиться только о своем спасении — это не удовлетворяло его. Получив власть от Бога «вязать и решить» (благодать священства), он вложил в это послушание все свое сердце, все свои способности и дары, полученные от Господа и Его Пречистой Матери. Его воодушевляло и радовало то, что первым из духовников обители был преподобный Савва, имя которого он теперь носил, и он рад был идти по его стопам, накапливая смиренномудрие, кротость и опыт духовный.

Народ всей душой полюбил нового духовника. Число исповедников умножалось с каждым днем. Сердце народное не обманешь! Люди почувствовали в этом человеке могучую благодатную силу, укрепляющую и вдохновляющую каждого на несение своего жизненного креста. И потянулись сердца усталых, измученных людей к целебному источнику благодати Божией, изливающейся на них чрез истинного пастыря.

С этого времени и начало формироваться его духовное стадо. Теперь, как никогда, отчетливо и требовательно звучали в его сердце слова Спасителя: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга, якоже возлюбих вы» (Ин. 13, 34). «Аще языки человеческими глаголю и ангельскими, любве же не имам, бых (яко) медь звенящи, или кимвал звяцайя. ...И аще раздам вся имения моя, и аще предам тело мое, во еже сжещи е, любве же не имам, ни кая польза ми есть» (1 Кор. 13, 1, 3)...

Как от духовно взрослых, так и от новоначальных отец Савва требовал, чтобы они не строили своего благополучия на слезах ближнего, чтобы работали над очищением своего сердца от грехов и пороков и учились прощать все обиды и оскор-

бления, чтобы научились благодушно переносить скорби, клевету, напраслины и болезни. Он учил, чтобы чада жили для других, забыв о себе:

*Все лучшее стремись отдать другим,
За подвиг это вовсе не считая!*

Его не удовлетворяла пастырская деятельность только во время исповеди. Он старался улучшить момент, чтобы утешить людей в любое время: в храме, на улице, на молебне, на панихиде — всюду слышалось его наставление, слово участия и сострадания. Для всех он был доступен, всех приветствовал словом отеческой любви, для всех был любящим отцом, мудрым наставником, добрым и верным другом.

Радовался старец — схиигумен Алексей, когда видел отца Савву окруженным толпой богомольцев и беседующим с ними.

— Любите, берегите его, идите к нему! Отец Савва вас не бросит! — говорил старец.

Исполненный чрезвычайного благоговения, страха Божия и иноческого смирения, иеромонах Савва совершенно посвятил себя Богу, восходя от силы в силу духовного совершенства. Он удостоился даров Святого Духа. Еще на заре своей монашеской жизни он достиг возраста «мужа совершенна». Зная об этом, старец схиигумен Алексей благословил иеромонаха Савву помогать ему в духовничестве и передал ему опыт своего высокого подвига.

— Я уже стар, — сказал он однажды своему духовному сыну. — После меня ты будешь старцем.

Перед своей кончиной он возложил на иеромонаха Савву подвиг старчества. Отец Савва страшился своего нового назначения, чувствовал, как тяжел ожидающий его крест.

Неумолимая смерть отняла у отца Саввы последнего старца-наставника. Остался батюшка одинок в своем трудном деле. Пришлось ему одному с Божией помощью нести тяжелое бремя старчества — духовного водительства суетных, греш-

ных людей. В памятные дни, и особенно на Пасху, отец Савва спешил к могиле схиигумена Алексия, чтобы отслужить панихиду о упокоении его души, и своих духовных чад просил всегда молиться о усопшем старце и по возможности навещать его могилу.

Вскоре последовала кончина и его восприемника, епископа Саратовского Вениамина. Незадолго до своей смерти епископ Вениамин при посещении лавры вызвал к себе отца Савву. Долгой была их беседа. Владыка передавал свой благодатный опыт духовному сыну. Прощаясь с ним, владыка оставил четыре завета:

1. Для того чтобы руководить народом, быть мудрым и опытным наставником, надо читать много святоотеческих книг.

2. Никому, даже родственникам, на житейские темы писем не писать.

3. Быть среди священнослужителей последним, т. е. презреть честолюбие, не стремиться к наградам, почестям и повышению сана.

4. Нести свой крест благодушно.

Итак, старчество в обители было восстановлено. Когда склонялись к вечеру жизни благодатные старцы, Господь на смену уходящим в вечность избирал новые сосуды, чтобы чрез них изливать Свою благодать на жаждущих спасения.

И вот теперь, во всеоружии благодатных дарований, исполненный внутренней умиротворенности, отец Савва был снова изведен в мир на деятельное служение ближним, чтобы вести их к блаженной вечности. Ведь и святителю Николаю, когда тот хотел уйти в пустыню, был глас Божий: «Иди в мир, и спасешь душу свою».

Любовь старца к падшим грешникам была неразрывно связана с верой в человека, в его божественную душу. В каждом человеческом сердце лежит искра Божественного дара, и как бы ни темна была душа, эту искру можно возжечь, чтобы она стала Божественным огнем.

Расседался от злобы ненавистник добра диавол, видя братолюбивые труды отца Саввы, и, не терпя их, возбудил против него много лжеименных христиан, которые начали наветовать на его жизнь. Называя его прельщенным, некоторые из братии монастыря, одержимые завистью, и некоторые миряне начали жестоко его преследовать уже с первых дней его подвижнической деятельности во спасение ближних. За каждую падшую душу, извлеченную из греховного состояния, старец платил своим спокойствием, нес крест душевных страданий, напраслин, клеветы. Он твердо знал, что иного пути к небу, кроме крестного, нет, и, не думая о себе, спешил на помощь людям скорбящим, впадшим в тяжелые грехи. Духовно и материально помочь нуждающимся, ободрить унывающих — вот что было целью его жизни.

Многих людей отвел отец Савва от погибельного пути, находясь в Троице-Сергиевой лавре. Много было им положено благодатных трудов, которые сопровождались многими скорбями: враг рода человеческого восстал на него со всех сторон, пытаясь изгнать его из монастыря. Сатана желал получить в лице старца как бы выкуп за те души, которые были вырваны из сетей греховных и направлены на путь спасения. Враг составил ополчение против старца: некоторые из монахов возненавидели его за то, что он не так жил, как им нравилось. Каких только оскорбительных эпитетов и сравнений не сыпалось от них на стойкого воина Христова! Его называли и святошей, и ханжой, и даже еретиком.

Высшие духовные власти хотели защитить старца от его ненавистников, но как святитель Иоанн Златоуст воспретил Олимпиаде ходатайствовать за него, так и отец Савва просил не лишать его креста, возложенного на него Самим Господом. Всю надежду возлагал он на Бога и на Заступницу — Пресвятую Владычицу, следуя словам Священного Писания: «Не надейтесь на князи, на сыны человеческия, в нихже несть спасения» (Пс. 145, 3).

Старец не осуждал, а жалел своих обидчиков и все больше и больше ненавидел исконное зло. Он ясно видел, что чрез лю-

дей на него нападает сам демон. Молясь за ненавидящих его, он во всем полагался на волю Божию и за все благодарил Бога. Любил он молиться песнями Давида и других учил тому же:

«Боже, в помощь мою вонми, Господи, помощи мне потщися...» (Пс. 69, 1).

«Терпя потерпех Господа, и внят ми и услыша молитву мою...» (Пс. 39, 1).

«Господь просвещение мое и Спаситель мой: кого убоюся? Господь защититель живота моего: от кого усташуся?» (Пс. 26, 1).

Отец Савва благодушно переносил напасти, а его чада духовные скорбели и унывали. Им трудно было понять причину восстания братии на праведника. Причина же эта естественна и проста. Наилучшее ее объяснение — в словах Господа: «Аще от мира бысте были, мир убо свое любил бы; якоже от мира несте, но Аз избрах вы от мира, сего ради ненавидит вас мир» (Ин. 15, 19). «И будете ненавидими всеми имене Моего ради» (Мф. 10, 22). Как на войне целят в живых солдат, так и мир нападает на живых духом христиан. Мир не нападет на нас так дружно и горячо, если не увидит в нас полную противоположность себе.

Победа христианской души, пока она живет в теле на земле, в большинстве случаев бывает сокрыта от постороннего взора, и особенно от взора миролюбцев. Водимые страстями, они и в праведнике видят «страсти» и всячески стараются «исправить» его жизнь, доставляя ему тем самым море скорбей.

Другая причина гонений на праведника скрыта от понимания многих людей — в том случае, когда праведника гонит, притесняет, «исправляет» другой праведник. Такое явление наблюдается редко и всегда вызывает недоумение у окружающих.

Причина гонений в данном случае такова: Промыслом Божиим гонимому праведнику предопределено высокое место в блаженной вечности, ради чего и дается ему тяжелый жизненный крест (вспомним святых апостолов), а восстающий на него праведник остается в неведении того, что допускает ошиб-

ку. Господь же намеренно скрывает от него тайну о высоте подвига и о святости той личности, на которую тот восстает.

Как бы то ни было и какие бы побуждения ни руководили восстающими на отца Савву, но его строго предупредили и потребовали, чтобы он не благословлял народ, не задерживался после службы и ни с кем не беседовал. Но как было исполнить требование, противоречащее Божиему делу, на которое он был призван Самим Господом? Да и народ не давал ему прохода, прося благословения и молитв. Он не мог отказаться от общения с людьми и продолжал благословлять и утешать.

И вот приходит приказ патриарха о переводе отца Саввы в Псково-Печерский монастырь.

— Приемлю и ничтоже вопреки глаголю, — покорно ответил старец.

Безропотно покоряясь воле Божией, отец Савва всячески старался утешить всех, разгоняя дух уныния:

— Вы будете молиться за меня, а я — за вас! Сердце сердцу весть подает! Не надо отчаиваться, ведь воля-то Божия! Матерь Божия во всем нам поможет, только молиться надо, а не унывать!

Так утешал он духовных чад своих, но когда чада грустно сквозь слезы пропели ему: «Камо грядеши, наш пастырь любимый, Богом нам данный отец? Ради чего покидаешь, родимый, стадо словесных овец?» — у него слезы градом хлынули из глаз...

Итак, в 1954 году, летом, на празднование явления Казанской иконы Богоматери, иеромонах Савва вышел из Троице-Сергиевой лавры...

Невинному страдальцу горько было отлучение от святынь обители, от любимой братии, которой он ничего не желал, кроме добра, мира и спасения, а еще тяжелее было оставлять своих духовных чад. Горю же их не было границ. Море слез и рыданий сопровождало его. Когда старец вышел из святой обители в сопровождении плачущей толпы, огромная стая голубей вылетела из обители вслед за ним... Это было как бы прообра-

зом того, что духовные чада отца Саввы «вылетели» из-под руководства святой обители и последовали за своим пастырем.

Так окончился подвиг старческого служения иеромонаха Саввы в Троице-Сергиевой лавре. Сильные духом люди промыслительно бывают посещаемы от Господа и сильными испытаниями. В смиренной покорности воле Божией старец одолел яростную силу бессильного (диавола), по слову Самого Господа: «В терпении вашем стяжите души ваша»...

Переезд

в Псково-Печерскую
Свято-Успенскую обитель

*Т*ихая Псково-Печерская обитель с ее древними обычаями и великими святынями приняла старца на новые подвиги.

Отец Савва вначале тяжело переживал вынужденное переселение, но когда прибыл на новое место, сердце его умилилось. Живописная картина уютного, тихого города Печоры и его окрестностей, чудная обитель Царицы Небесной, сокрытая от людских взоров в горном ущелье, точно в глубокой чаше, ласкали взор. Резкая разница была между этой пустынькой и шумной Москвой. Одна тишина чего стоила!

Взору его представилась трогательная картина: огромная стая голубей встречала своего будущего кормильца. Птицы садились к нему на голову и плечи, а остальные, выстроившись рядами, чинно шли навстречу ему, сопровождали до самых врат монастырских. Старцу заметили:

— Батюшка, видите, как радостно встречают вас голуби? Наверно, вы их любите?

— Да как же их не любить? Они мои друзья!

При входе в обитель отец Савва с умилением помолился пред надвратной иконой Успения Божией Матери, прося Ее принять под Свой Покров «путника странного».

Обитель очаровала старца — она вся утопала в зелени и цветах. Над внутренними святыми воротами, как страж, возвышался храм святителя Николая Чудотворца, а вдали виднелся величественный Михайловский собор. Щебетали птицы в кронах деревьев.

Пройдя под арку Никольского собора, отец Савва увидел слева, за каменной стеной монастырского хозяйственного двора, на крутой горе, монастырский сад, а справа раскинулись прекрасные каштановые деревья. Впереди красовался пятиглавый Успенский собор. К нему вела дорожка, называемая «Кровавый путь». По ней в 1570 г. царь Иван Грозный нес игумена Корнилия, убитого им в горячах по клеветническому доносу. Двухэтажные корпуса братских келлий гармонировали нежной окраской с живым многоцветьем природы.

Старец полюбил этот рай земной. Из окон его келлии открывался прекрасный вид на Святую Гору с вкопанным в нее древним двухэтажным храмом Владычицы с престолами во имя Ее Покрова (наверху) и Успения (внизу), где находятся чудотворная древняя икона Успения Божией Матери и мощи преподобномученика Корнилия. Левее — храм с престолом Сретения Господня и храм Благовещения Пресвятой Богородицы.

Все это умиляло сердце отца Саввы и воодушевляло на благодарственную хвалебную молитву. Он чувствовал, что Сама Царица Небесная, утешая «изгнанника», взяла его под Свой Державный Покров.

Красота природы смягчила его скорбь. Явилось былое дерзновение в молитве, уверенность в близости Бога и Владычицы Пресвятой Богородицы. Но прочитав однажды изречения иеросхимонаха Парфения: «Украшение монаху — келлия его» и «Никто не возвращался в келлию свою таким, каким вышел из нее», он задумался над этими словами и решил понести

подвиг затворничества. Но вдруг увидел сон: в пустынном месте демон втолкнул его в массивный железный шкаф, и дверь автоматически закрылась. Гибель казалась неизбежной, и им овладел страх. Вдруг он услышал, как духовные чада поют пасхальную стихирю «Да воскреснет Бог...». Стал читать и он эту молитву — дверь открылась. Все духовные чада обрадовались и потянулись к нему. После такого сновидения он укрепился в подвиге старчества. Отец Савва решил опять всем своим существом, без остатка, отдаться служению ближним, следуя Христовой заповеди о любви, а не замыкаться в своей келлии.

С первых же дней пребывания в Псково-Печерской обители старец приступил к труду во славу Божию. В это время на него было возложено и другое послушание — благочинного. С горячим усердием он приступил к его выполнению. По его инициативе был утвержден ежедневный братский молебен перед ракою с мощами преподобномученика Корнилия и установлено ежедневное чтение после вечернего богослужения акафистов особо чтимым иконам храмовых и местных святых.

Следует упомянуть о крайней бедности и скудости, какую испытывала в то время святая обитель: пожертвования монастырю от богомольцев были незначительны. Обитель тогда была мало известной, богомольцев было мало. Для вновь прибывшего неутомимого труженика открылось обширное поле деятельности и в этом отношении.

Паломники, знавшие его по Троице-Сергиевой лавре, и духовные чада из разных городов и селений устремились в Печору, больные тянулись к нему и получали исцеление.

Старец не таил дарований, которыми щедро наградил его Господь. Он всегда искал случая, кому бы помочь, стремился не упустить ни одну человеческую душу, привести ее к искреннему покаянию.

Премудро врачевал он болезни души — для каждой язвы применял свой пластырь. Осторожно, как бы держа души в своих руках, он бережно освобождал их от пороков и страстей. Все чувствовали это и тянулись к нему.

С появлением отца Саввы в Псково-Печерской обители началось оживление: умножилось число богомольцев и значительно улучшилось благосостояние обители. Многочисленные духовные чада старца, по его благословию, старались помочь монастырю в материальных нуждах. Их добрые пожертвования и всевозможная помощь сравнительно быстро избавили монастырь от скудости и бедности. Хозяйство обители укрепилось, шились новые облачения, украшалась внутренность храмов. Московские духовные чада отца Саввы жертвовали дорогую лампаду, которую он благословил повесить к мощам преподобномученика Корнилия. Отец Савва и сам был неутомимым тружеником, везде чувствовалась его забота.

В то время монастырь имел свои поля вокруг обители, но работать было некому, не хватало рабочих рук. И вот, бывало, батюшка просит богомольцев:

— Кто может и хочет помочь обители, поработайте на поле. А я за вас помолюсь! — И всем радостно станет от такого благословения.

Отрадно было смотреть, как усердно копошатся на поле люди, да батюшка и сам туда придет и еще больше всех воодушевит, а потом благословит в трапезную подкрепиться. Как радостно было на сердце у богомольцев в такой благодатный день!

Заботясь о благоустроении обители, старец проявил себя как истинный бесребреник. Он никогда не копил денег, всю надежду возлагая на Бога и Пресвятую Владычицу. Все пожертвования он тут же немедленно отдавал на нужды обители и раздавал нуждающимся. Но основной его заботой было духовное воспитание и окормление народа. Именно в этом отношении особенно сильно проявилась его деятельность. Ведь богомольцы собирались сюда отовсюду, и нужно было зажечь в них ту благодатную искру, которая могла бы воспламенить их сердца Божественным огнем, а через них возбудила бы святую жажду спасения и в сердцах родных и близких. Так и по-

лучалось в действительности. Побывав в обители и послушав поучения «доброго пастыря», люди пересказывали их домашним. Новые богомольцы тянулись в обитель, к старцу.

Служил ли отец Савва литургию, молебен или панихиду, он никогда не упускал случая сказать поучительное слово. На молебне, например, он пояснял:

— Когда мы молимся великомученице Варваре и просим ее о помощи нам, то святая идет к Престолу Божию и ходатайствует о нас пред Богом. А если мы еще и других святых призовем на помощь, то они все вместе умоляют Господа о нас, а общая их молитва еще сильнее!

Любил он читать акафисты.

— Акафист — это наш восторг перед величием Божиим, Его Пречистой Матери и всех святых, — пояснял отец Савва.

Богомольцам не хотелось уходить, расставаться с храмом и с усердным молитвенником. Но храм закрывали на уборку, и надо было расходиться. Со стороны братии и начальства отцу Савве были неоднократные замечания за такие продолжительные службы.

А сколько радости было у богомольцев, когда старец ходил с ними по пещерам и по Святой Горе с молитвенным пением и духовной беседой! Кого-то утешит, а кого и построжит, обличит. Видно было, что он знает нужды и тайные запросы всех без исключения.

Однажды при выходе из пещер, когда все приложились к мощам первых подвижников — преподобных Марка и Ионы — отец Савва обратил внимание богомольцев на гробницу древнего подвижника иеросхимонаха Лазаря, над которой висели тяжелые чугунные вериги, обнаруженные на нем после его смерти, и рассказал историю с одной женщиной для общего назидания.

— Вот так же, как с вами, однажды мы с группой богомольцев прошли по пещерам. Все приложились к мощам преподобных Марка и Ионы, а потом, всех благословив и отпустив, я заметил одну женщину, плакавшую у гроба иеросхимона-

наха Лазаря. Я не мешал ей оплакивать свое горе, потом она вышла. Спустя некоторое время одна из приезжих просит меня отслужить панихиду у этой гробницы. Я узнал в ней ту самую женщину. Во время панихиды она опять безутешно плакала, а после службы поведала мне о том чуде, которое совершилось с ней. «Помните ли, батюшка, как в первый приезд мой я плакала у этой гробницы праведного Лазаря? Я давала тогда обещание, что надену на себя такие же вериги, чтобы обуздать себя, укротить свой вспыльчивый нрав, и просила у него помощи. Трудно мне жилось в семье: муж и сын неверующие, часто насмеялись над моей набожностью, а я раздражалась, возмущалась и сетовала на них. Вот я и надумала сковать себе такие же вериги, какие были у этого подвижника. Нашла мастера, сняла мерку — и вдруг заболела, не могу подняться с постели. Муж ворчит: «Доездилась по своим святым местам!..» Время шло, а мое положение не улучшалось, по-прежнему не могла подняться. И вот во сне явился мне старичок и попросил отслужить панихиду на его могиле. «А где же твоя могила? Кто ты?» — спрашиваю его. — «Я Лазарь! По моему примеру ты захотела надеть на себя вериги». — «А как же я смогу съездить на твою могилу, когда я и встать не могу?» — «Оставь свое намерение и вставай! Не нужно тебе никаких вериг», — сказал он строго, и я проснулась. После этого сновидения я бросила мысль о веригах и стала быстро поправляться, а теперь приехала сюда, к его могиле», — закончила она свой рассказ.

— Так понятно о веригах? — обращаясь ко всем, спросил отец Савва. — Вериги наши — это безропотное несение жизненного креста. Преподобный Серафим Саровский тоже не советовал никому надевать на себя вериги. Если кто-то оскорбит нас словом или делом, а мы перенесем обиды по-евангельски, с радостью — это и будут наши вериги. Вот и власяница наша! Эти духовные вериги и власяница выше железных.

Много подобных примеров приводил старец, научая прежде всего смирению, терпению и христианской любви.

В Псково-Печерской обители так же, как некогда в лавре преподобного Сергия, старец с горячностью проводил исповедь богомольцев и призывал народ к покаянию. Те, кто был хоть раз на исповеди отца Саввы, могли сразу понять, что главная цель христианской жизни — спасение. Старец поучал, наставлял, предостерегал от ошибок и все это подкреплял живыми примерами не только из житий святых отцов, но и из жизни тех, кто стоял перед ним.

— Убоимся мнимой праведности, фарисейства, — говорил он. — Как только подумаем о себе хорошо, то беда! Такие мысли — мерзость для Бога. Будем сознавать свое негожество — и спасемся. А потому будем благодушно переносить клевету, укоризны, напраслины. Они помогают нам сохранять чувство своего негожества и, не отчаиваясь, пребывать умом во аде. Слава Богу, что мы пришли сюда, под Покров Самой Царицы Небесной! Она не оставит нас и покроет нас Своей милостью. Кто из нас в благодатные минуты усердной молитвы к Божией Матери не ощущал в своем сердце неземную радость, душевный мир, не источал слез умиления?

А богомольцы уже льют эти слезы умиления и сокрушения. Каждый в душе просит Владычицу быть ему Предстательницей и Споручницей, да умолит Она Сына Своего о прощении его, грешника. И трепетала душа каждого, веря в близость Пресвятой Владычицы, особенно здесь, в этом храме, в этой святой обители! Как много поучительного можно было услышать во время такой исповеди!

Чудесным образом отец Савва вел своих духовных детей и всех присутствующих на исповеди. Старец часто говорил к многочисленному народу слово, и кто-то видел себя в его словах, всю свою жизнь, все свои ошибки. Со всяким человеком он говорил просто, как с равным себе, поэтому все чувствовали себя около него свободно. Отчаявшийся грешный человек видел любовь к себе старца и верил, что если этот великий служитель Божий, которому открыты все тайны человеческого сердца, так любезно беседует с ним, значит, и Господь

помилует. Отец Савва любил людей той же любовью, какой любил их Христос: «Праведного любя и грешного милуя».

Отец Савва во время исповеди следил за каждым, особенно за своими чадами, читая на лицах их душевное состояние. Иной попытается спрятаться за спины других от пытливого и всевидящего взора, а он тогда сам передвинется, чтобы всех было ему видно. Старец проводил вразумительные беседы чаще не индивидуально, а в общей исповеди, но каждый знал: речь идет обо мне.

Вот пример: раскапризничалась одна из его чад... Обиделась на духовного отца. Мысли, одна темнее другой, одолевали ее. Страшное уныние овладело ею, и она стала избегать батюшку. Такой страх напал, что боялась с ним встретиться. Тогда отец Савва мимоходом заметил ей:

— Что, туча надвинулась? Борись, побеждай врага! И обо всем напиши мне.

Потом на общей исповеди он сказал:

— Не надо обижаться, если духовный отец скажет прямо и обличит кого-то, потому что он не должен молчать, иначе будет отвечать перед Правосудием Божиим. А то бывает так: скажет батюшка: «Ну, что ты такая бестолковая», а она уж и губки надула, вроде капризного ребенка. А сатана хохочет, пляшет... Так вот, не будем обижаться, а все обиды будем переносить благодушно. Надо благодарить Господа и говорить: «Слава Богу! За грехи мне послан такой искупительный крест». А если нет такого благодушия, то надо просить у Господа: «Господи, пошли мне благодушие!»

Бывают такие непослушные больные: не слушают врача и не признают его рецептов. Батюшка вас обличает с той целью, чтобы душа не погибла, чтобы человек опомнился. А если я умолчу, то Господь взыщет с меня за упущенный момент, в который я должен был вразумить человека.

В последние годы жизни старец стал еще более строгим и требовательным, особенно к своим чадам, а некоторых даже стал отлучать от своего руководства.

— Утопающего тащат за волосы, — говорил он, — врач прописывает больному горькие лекарства... Вот и я бываю с некоторыми строг. Иногда и с болью в сердце, а приходится обличать человека и некоторых даже отлучать от себя. Я молюсь за них, но не отвечаю за них пред Богом. И не даю им уже никаких советов: бесполезно, все равно не послушают. Заслуженно наказываю, и пусть не обижаются, а исправляются. Отец духовный дается не для дружбы, а для спасения, и надо ценить его слово, дорожить его благословением и все выполнять безупречно. Как среди детей «маменькин сыночек» остается неисправленным и ненужным обществу, так и в духовной жизни: изнеженный, избалованный, капризный христианин не способен бороться со злой силой и если не переломит себя, то останется неисправленным. Гнев Божий ожидает такого.

Если кто и одержим, но ведет борьбу, воинствует с сатаною, тот получит венец мученический. А вы не ведете борьбу, оправдываетесь: «Я от природы такая, мне не исправиться». Нет! Мы немощны, но получаем от Господа силу. Нудить только надо себя на доброе! В немощах познается сила Божия.

Из-за большого числа исповедников на разрешительной молитве отец Савва уже долго не задерживался с каждым в отдельности — лишь необходимое скажет или спросит: «Все ли понятно?» Чаше старец читал общую разрешительную молитву и несколько раз во время чтения просил называть свои имена. Иногда накладывал епитимию и назначал срок ее исполнения, при этом пояснял, что это не наказание за грех, не карательное средство, а исправительное, что дается она для духовного упражнения, чтобы легче было искоренить греховные привычки. Епитимия приучает к духовному подвигу, воспитывает внимание к себе, к делу своего спасения.

Старец пользовался большим доверием своих духовных чад. Они не стесняясь приносили ему искреннее покаяние, причем чаще в письменной форме, так как чад было очень много и у

него не было времени выслушивать устные исповеди. Прочитав их заранее (ночью), он потом каждому давал свои наставления.

С каким истинно отеческим вниманием и добротой относился он к тем чадам, которые с детской доверчивостью открывали перед ним все тайники своей души и жаждали от него отеческого наставления! Он обращался с ними, как с больными детьми: осторожно и снисходительно, когда видел кого-либо малодушным, нравственно слабым, — и серьезнее, строже, когда кто-либо уже духовно попрос и окреп.

Он от души радовался, когда видел чей-то духовный рост, и скорбел, когда видел духовные промахи и ошибки; был серьезным и полезным собеседником для серьезных людей, отечески снисходительным и ласковым с молодежью, детишками.

А как духовные чада любили своего старца, как были благодарны ему за отеческое внимание и снисходительную ласку! Все старались сделать дорогому отцу приятное, заботясь и о своих духовных сестрах и братьях: кто переписывает молитвы и акафисты, кто пояски готовит, кто четки вяжет, кто делает поплавки для лампад, фотооткрытки размножает, кто рамочки делает для иконочек — все по своим способностям хотят обрадовать духовного отца, помочь в деле благотворительности и спасения ближних. А отец радуется и, благословляя их труд, радуется народ, раздавая эти подарки. Дружная духовная семья была скреплена его любовью ко всем.

Для него не существовало возраста, звания и состояния. Он со всеми обращался одинаково: отечески заботливо, приветливо. Лицо его всегда было озарено светлой радостью. Он сразу замечал, кому нужна поддержка и помощь, и сам подходил к ним, неся скорбящим утешение, болящим — исцеление, унывающим и отчаявшимся — надежду на спасение.

Так, однажды приехала в Псково-Печерскую обитель скорбящая девица — после солнечного удара она лишилась речи. В невыразимом смятении она не знала, как и кому объяснить свое горе. Отец Савва утешил ее и поручил своим духовным чадам взять ее к себе на квартиру.

В церкви она старалась встать ближе к старцу и внутренне просила его святых молитв. Отец посоветовал ей принуждать язык к пению акафистов, и, по его святым молитвам, речь открылась. С какой радостью и благодарностью Богу и своему благодетелю она поехала домой!

Одна учительница хотела покончить жизнь самоубийством. Проездом она зашла в Псково-Печерскую обитель. Поговорив с отцом Саввой, она воскресла духом и, радостная, поехала домой. Подобных примеров такое множество, что они не смогли бы вместиться в книгу.

Случалось, что отец Савва выезжал на время из обители, и тогда многие из приезжих богомольцев оставались ждать его. Скучным и долгим казалось им это время. Но зато по возвращении старца в обитель они бывали с избытком вознаграждены теплым словом отеческого назидания и духовного окормления.

Часто его брал с собой Преосвященный владыка Иоанн, митрополит Псковский и Порховский, в сослужение в храмах, когда ездил на престольные праздники по епархии. Владыка любил, когда возле него при богослужении стоял старец-молитвенник.

Чем дальше шло время, тем шире и глубже охватывал старец своим влиянием, любовью и милосердием народное сердце. Духовное стадо его словесных овец все более и более увеличивалось и распространялось во многих городах и селениях.

Но такая деятельность старца не нравилась монастырскому начальству и некоторым из братии. Они не видели в нем старца-подвижника, им казалось, что из-за отца Саввы нарушается весь монастырский строй, что строгость монашеской жизни утрачивается из-за многочисленных богомольцев, что постоянные посетители отвлекают монахов от созерцательной жизни. Пошли доносы, жалобы владыке, на которые он в большинстве случаев отвечал молчанием. Он жалел старца, ибо давно знал о его подвижнической жизни, о добровольном несении им креста и знал, за что враг в него мечет свои стрелы. Он не раз пытался

умиротворить и умилосердить братию и дать им понять, что они не правы в своих суждениях. Но все было напрасно.

Не раз старца предупреждали представители местной гражданской власти о том, чтобы он не собирал вокруг себя народ, и грозили ему изгнанием. Но батюшка просто и с любовью объяснял им свои обязанности и ответственность пред Богом:

— Если я не буду утешать скорбящий народ, я буду изменником Богу!

Таким образом, с удалением из обители преподобного Сергия «хождение по мукам» для старца не кончилось. Но любовь к народу и молитва отца Саввы побеждали все козни лукавого: «Зане мышцы грешных сокрушатся, утверждает же праведныя Господь» (Пс. 36, 17). После бури скорбей Господь посылал утешение: по благословению Святейшего Патриарха в день ангела старца — 3/16 декабря — его посвящают в сан игумена. Святейший Патриарх Алексий ценил смиренного подвижника и неоднократно представлял его к наградам.

Но вскоре злой дух опять со всей силой обрушился на батюшку: «возлюбившие злобу паче благостыни» ради порока зависти попытались снова затмить свет ясно горящего светильника. Во дни Великого поста в 1958 г. владыка Иоанн назначает его настоятелем храма Казанской Божией Матери в городе Великие Луки.

Неисповедимым путем Промысла Господу угодно было подвергнуть старца новому испытанию, дабы он очистился, как золото в горниле. Господь укрепляет и кует из подвижников сталь веры, терпения и искусства благодатной жизни. Святитель Иоанн Златоуст говорил:

«Господь попускает искушение на подвижника благочестия, чтобы сделать его крепче, чтобы показать его в большей славе. Так и деревья делаются крепче, когда качают их ветры. Как на поле брани храбрые воины сражаются неустрашимо и падают мужественно, так и подвижник благочестия в случае низвержения по зависти или ненависти или по какой-либо другой несправедливой причине заслуживает венец и боль-

шую награду по слову Господа: «Блажени есте, егда поносят вам и ижденут и рекут всяк зол глагол на вы лжуще, Мене ради. Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех» (Мф. 5, 11–12).

Спокойно, без ропота, с покорностью воле Божией принял старец новое испытание. Он словно не скорбел, а радовался душой:

— Истинно Господь творит все к пользе нашей, а без Его воли и волос с головы нашей не погибнет.

Отец Савва надеялся, что Господь не оставит его в скорби. И славил он Владычицу, свою Усердную Заступницу, берущую его и здесь, в Великих Луках, под Свой Державный Покров!

Временные

выезды старца из обители

С мирным чувством удалился старец из Псково-Печерской обители в Великие Луки. Он видел, что Господь с ним и за него, и с тем большей покорностью готов был терпеть всякие напасти: «На Господа уповая не изнемогу» (Пс. 25, 1). Для него все внешние неожиданности имели особый внутренний смысл.

В Пасхальный Четверг Преосвященный архиепископ Иоанн, прибывший сюда в сопровождении наместника Псково-Печерского монастыря игумена Августина, произнес речь. Владыка подчеркнул добрые качества игумена Саввы: смирение, безропотное терпение, отсечение своей воли, полное послушание Божьему Промышлению.

— Десять лет тому назад в лавре преподобного Сергия ты отсек свои власы в знак отсечения своей воли и предался в полное послушание Божьему повелению. Ты всегда и всюду с тех

пор являешь образец смиренного послушания, и сейчас Божий Промысл направил твои стопы в этот обнищавший храм, к этому духовно изголодававшемуся народу, чтобы ты окормил эту ниву Христову. Возлюби ее и возрасти ее! — сказал архиепископ Иоанн.

Владыка преподнес старцу награду от Святейшего Патриарха Алексия — палицу. Смиранный старец ничего не сказал в ответ. Опустив голову, он мысленно молился, воздавая хвалу Богу, Божией Матери и всем святым. Он молился уже и за свою новую паству, которая действительно была без окормления.

Кладбищенский храм во имя Казанской Божией Матери, единственный в городе, был действительно обнищавшим, запущенным, нуждавшимся в заботливом отеческом попечении. И старец со всем усердием приступил к труду по восстановлению храма.

Духовные чада его узнали дорогу и в Великие Луки. Они стали съезжаться сюда, к дорогому отцу, и были первыми участниками его благотворительных работ. Кто чем мог, помогали они ему в деле восстановления храма.

Старцу и здесь пришлось вынести много скорбей и нападок. Денег на капитальный ремонт не было, священнослужители, снедаемые завистью, смотрели на него как на своего врага, а мастера требовали баснословной платы.

Все необходимое для ремонта отец Савва доставал чудесным образом. Он с верой и надеждой молился Господу, и все нужное привозили прямо к церкви.

Однажды местные городские власти прислали комиссию, чтобы проверить, законным ли путем достают строительный материал. Все оказалось оформлено как должно. Члены комиссии были очень удивлены этим:

— Как вы достаете строительный материал? Мы не можем ничего достать для строительства школы, а вы так быстро делаете ремонт.

Отец Савва ответил:

— Я молюсь, и Бог все посылает.

— Помолитесь, чтобы Он и нам послал стройматериалы...

Несмотря на все трудности, с помощью Самой Царицы Небесной в самое короткое время (за два месяца) храм был капитально отремонтирован, отреставрирована живопись внутри храма, даже внешние стены и входные кладбищенские врата украсились живописью. Чудотворная икона Казанской Божией Матери преобразилась в новой белой бисерной ризе, и взор Ее, приветливо зовущий и ласкающий, умилял сердца молящихся.

Новая паства увидела в лице настоятеля доброго пастыря — молитвенника и попечителя. Умножилось число прихожан, и небольшой храм не вмещал уже всех богомольцев. Многие жители города стали истинными почитателями старца, влились в его духовную семью и во все последующие годы не отходили от него.

Одна из духовных чад его рассказывает:

— Мне пришлось побывать в Великих Луках, много хорошего я слышала об отце Савве от местных жителей. Его святыми молитвами они воспрянули от духовной спячки. Кто состоял в браке без благословения церковного — венчались, некрещеные крестились, давно не причащавшиеся исповедывались и причащались.

В Великих Луках старцу пришлось испытать на себе две крайности человеческого отношения: со стороны одних — превозношение и славу, а со стороны других — лютую ненависть. Здесь были даже неоднократные покушения на его жизнь. Вечером и ночью небезопасно ему было ходить одному. Духовные чада вынуждены были сопровождать его.

Выполнив послушание в Великих Луках, отец Савва возвратился в свою обитель. Но вскоре ему опять пришлось удалиться: владыка перевел его в древний Псковский храм с двумя престолами: святителя Николая Чудотворца и преподобного Варлаама Хутынского. И здесь с помощью Божией и Царицы Небесной храм был скоро отреставрирован и благолепно украшен. Ревностным Богослужением и пламенным словом духов-

ного наставления старец привлек многих прихожан, и они неленостно стали посещать храм. И даже восстающие на него, которые вначале причиняли старцу много скорбей, устыдились, осознали свой грех и просили у него прощения. Отец Савва и здесь оказался под покровом Самой Владычицы, благодарил и славил Ее и усердно молился Ей. Все упование он возлагал на Пречистую. Он всегда говорил, что более совершенный путь в Царство Небесное — ходатайство Матери Божией к Своему Сыну за нас, грешных. Своих чад он благословлял выполнять «Богородичное правило»: 150 раз читать молитву «Богородице Дево, радуйся...» с тропарями на особые случаи из жизни Пречистой Владычицы. Всем он велел приносить архангельское приветствие Богородице. Особенно у маленьких детей, бывало, спросит:

- А «Богородицу» знаешь?
- Знаю, — пролепечет малыш.
- А ну-ка, прочитай!

В этом храме старец устроил два клироса и антифонное пение, а по воскресным дням стали выносить на середину храма особо чтимую икону Божией Матери «Всех скорбящих Радосте» и во время вечернего богослужения пели нараспев Ей акафист.

Выполнив послушание по восстановлению храмов, отец вернулся в Псково-Печерскую обитель — но не больше, чем на год. Ему предстояло понести новое испытание: владыка благословил отца Савву на новое послушание в село Палицы Псковской епархии, в 30 километрах от Пскова, неподалеку откуда некогда подвизался преподобный Савва Крыпетский. Здесь храму великомученика Георгия грозила опасность закрытия. Но и здесь Господь помог старцу сделать все необходимое, чтобы этого не случилось, за что ему была вручена архиерейская грамота.

С первых дней он принялся здесь за Божие дело, несмотря на плохое состояние здоровья. Трудно приходилось ему. Средств не было, а сделать ремонт надо.

— Помолимся! — предложит, бывало, батюшка.

В тот же день везет шофер машину цемента:

— Приказали отвезти цемент на стройку, а там отказались. Может, вам пригодится?

Среди прихожан нашлись рабочие, и вместе с духовными чадами они закончили ремонт храма в короткое время. Духовная жизнь и здесь ожила, однако служить старцу было тяжело. В храме он был один, если не считать старого больного псаломщика. Но утешительно было для него то, что в людях сохранилась вера. Место это было благодатное, как говорится, намоленное. Старец полюбил свою новую паству и однажды сказал:

— Мои прихожане все — подвижники, молятся усердно, со слезами.

Как всегда, отец Савва радовался каждому случаю помочь ближнему. Часто бывало: не успеет он немного подкрепить себя пищею, а у дома уже стоит повозка, просят причастить больного. И он тут же, не притронувшись к еде, отправляется на потребу. Как отрадно было смотреть на старца, который, несмотря на усталость, бодро спешил оказать помощь нуждающемуся! И даже своим врагам он старался делать только добро.

Однажды мы были у батюшки. Он знал, что в это время мимо его дома должен пройти человек, который не только не уважает его, но даже враждебно настроен.

— Выйду на крылечко и поприветствую его, — сказал отец Савва.

Потом приходит и рассказывает:

— Проходит он мимо, я поклонился ему и поприветствовал, а он отвернулся, но на той стороне храм. — И, перекрестившись, весело добавил: — Слава Богу! От меня отвернулся, а к храму повернулся.

Народ, видя его усердные труды и пастырскую заботу о себе, потянулся в храм. Ожил приход, а этого-то и добивался старец. Церковная община окрепла, миновала опасность закрытия храма.

Исполнив и это послушание, окрепший духом в тяжелых испытаниях, но с подорванным здоровьем, отец Савва вернулся в свой монастырь, но вскоре (1960 г.) вынужден был лечь в больницу.

Сколько слезных молений было вознесено ко Господу и Матери Божией его чадами! Сколько заказных литургий и молебнов было отслужено о его здравии! Все боялись рокового исхода. Но, по милости Божией, все обошлось благополучно. Здоровье мало-помалу восстановилось, и старец радовался, что дал ему Господь возможность еще потрудиться во славу Его имени и Матери Божией для спасения ближних.

Но дух злобы, попущением Божиим, не переставал причинять старцу-игумену различные скорби. Лукавый внушил некоторым, что отец Савва не по уставу совершает Богослужение. Наместник монастыря назвал его даже еретиком и отстранил от совершения треб и Богослужений. Без всякой причины и без ведома архиерея он угрожал старцу, что уберет его из монастыря. Старец же говорил духовным чадам о себе, что не служит по болезни. На него наложена была епитимия, запрещающая ему беседовать с богомольцами и благословлять их. Его даже перевели в другую келлию — угловую, холодную, с окнами, выходящими на хозяйственный двор.

Отец Савва безропотно терпел напраслины, клевету, притеснения, все переносил благодушно и молился.

На явное запрещение беседовать с богомольцами, которые жаждали его слова утешения, кроткий и незлобивый старец отвечал:

— Среди них много больных недугами душевными и телесными, страдания которых — исключительно наказание Господа за их тяжкие грехи. Господь привел их сюда для раскаяния, чтобы их вразумили и наставили. Как же можно их оттолкнуть и не утешить?! Христос заповедал нам скорбеть о грешнике и спасти его, а не губить!

Старец был тверд в своих действиях. Его не пугали угрозы, он не мог быть холодным, черствым, не замечающим чу-

жого горя. Гнать от себя пришедших к нему за духовной помощью и утешением запрещала ему совесть, ибо он всегда помнил свое назначение.

— Ведь я к себе никого не зову! Этот простой, нерадивый народ погибает исключительно от своей темноты, и многие из них нуждаются в духовной помощи и руководстве. Кто же ободрит, утешит их? Если мы их не примем, оттолкнем, тогда и Господь нам скажет: «Не вем вас». Как же я оставлю духовных чад, за которых буду держать ответ пред Богом?

Однако теперь он старался утешать народ тайно, незаметно. На ходу скажет скорбящему слово утешения или вразумления в ответ на его мысленные вопросы и тут же проходит мимо, почти не останавливаясь. И поражался скорбящий: как провидел старец его душу?! Краткое батюшкино слово было так действенно и утешительно для человека, что в одно мгновение выводило его из состояния уныния и печали и он окрылялся верою и надеждою на спасение, находил выход из затруднительного положения.

Некоторые из насельников святой обители даже на духовных чад старца смотрели косо, с неудовольствием.

— Надоели одни и те же паломники! — с раздражением говорили они.

Желая помолиться вместе с духовным отцом, его чада во множестве съезжались в обитель к очередной служебной неделе отца Саввы, но его очередь стали нарушать, так что батюшка и сам не знал наперед, когда будет служить. По козням лукавого все делалось так, чтобы разобщить пастыря и словесных овец. Старец скорбел, видя, как унывали чада, и старался утешить их, как мог.

Отцу Савве, подвижнику с внутренним, умно-сердечным деланием, с даром Божественной благодати, нападки духа злобы не только не вредили, но еще сильнее укрепляли и духовно закаляли его. Он не прекращал общения с народом, и народ радовался этому, вознося Господу хвалу и благодарение за Его великую милость.

Архиерей узнал о беззакониях наместника, отменил его указания и восстановил права старца. Наместник же за свое нечестие получил от Господа серьезное испытание (тяжело заболел). Тогда он вызвал отца Савву, попросил у него прощения и пособоровался.

Злоба постепенно стала утихать. После этого старец стал ревностно настаивать, чтобы в обители была возобновлена древняя традиция — чин Неусыпаемой Псалтири.

Настоятель обители благословил, а Святейший Патриарх Алексий утвердил возобновить чин Неусыпаемой Псалтири. Отцу Савве дали дополнительное послушание — руководить этим чтением. Он с радостью принимает это послушание как благословение Самой Царицы Небесной. С Божией помощью при участии некоторых духовных лиц отец написал «Уставные особенности чтения Неусыпаемой Псалтири».

Старец тщательно следил за тем, чтобы не было промежутков между ежечасными сменами, чтобы Псалтирь читалась непрерывно — неусыпно. Если же кто-то из братий по какой-либо причине не являлся на свой час, отец Савва заменял его сам.

Старцу разрешено было совершать Богослужения, говорить проповеди, исповедывать. Но скорби, напраслины, клевета и всевозможные искушения отразились на его здоровье, его телесные силы с каждым днем слабели. Он старался не показывать вида, что болеет, только чаще стал просить всех молиться за него. Он с удивительным спокойствием ожидал приближение своей кончины. По благословию архиерея отец Савва давно уже приготовил для себя место в Богом зданных пещерах, но однажды ему предложили уступить приготовленное место для погребения умершего схимника, а другое место для себя готовить не разрешили.

Старец стал часто говорить о смерти, все упование возлагая на Пресвятую Владычицу Богородицу. Чада просили старца молиться за них, чтобы Господь не отлучил их от него в будущей жизни.

— Если обрящу дерзновение, то буду молить Господа, — отвечал он. — А вы будьте всегда просты, незлобивы, искренни: простота и искренность приятны Богу. Подавайте милостыню, молитесь, кайтесь, причащайтесь Святых Христовых Таин. Читайте чаще Евангелие, в нем все написано сладостно для сердца и научает смирению, а смирение истребляет все страсти и привлекает в душу благодать Божию. В этом и заключается спасение. Но не забывайте, что враг наводит уныние на всякую душу, хотящую спастись. Берегитесь осуждать ближнего, а чтобы не впасть в искушение, не присматривайтесь к чужим поступкам. Смерть вожделенна для любящих Бога, но страшна для не готовых, не научившихся христианской любви.

По милости Божией, по ходатайству Царицы Небесной и по усердным молитвам духовных чад совершилось чудо: отец Савва стал быстро поправляться.

Заботливое попечение о здоровье игумена Саввы проявлял владыка, архиепископ Иоанн. Он всегда справлялся о его самочувствии, давал путевки на климатолечение в Грузию, несмотря на протесты со стороны монастырского начальства. В стране Иверской — втором уделе Матери Божией — старец находил теплый приют и заботу духовных чад, которых и там было много. Проездом же на юг он неоднократно посещал Овручскую Свято-Васильевскую женскую обитель (Житомирская область), о которой имел особое духовное попечение по благословию архиереев Псковского и Житомирского. Среди ее насельниц было много его духовных чад, некоторые из них были направлены сюда самим старцем. Проездом на юг он неоднократно посещал эту обитель.

Впервые он побывал здесь в 1953 году перед праздником Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня. Обитель тогда только что открылась и была в крайней бедности в духовном и материальном отношении. Монастырь был выстроен на месте разоренного идольского капища, поэтому злой дух очень сильно мстил и строил всевозможные

козни и пакости насельникам. Надо было иметь большую силу воли и духовную мудрость, чтобы отражать злую силу.

По прибытии в обитель отец Савва отслужил молебен и тщательно окропил святой водой всех и все. Он горячо молился о том, чтобы Господь помог возродить, поднять, возобновить ее во всех отношениях. Утешая и ободряя сестер, старец сказал игумении Лукии, что святая обитель благодатию Божиею должна возродиться, а казначее Анастасии предсказал ее будущее игуменство, что и сбылось после перевода игумении Лукии в другую обитель.

Года через два (к моменту его вторичного посещения) обитель уже имела другой вид: умножилось число сестер, развилось рукоделие, наладились полевые работы, и на всех участках достаточно было рабочих рук. Укрепился и молитвенный дух среди сестер, улучшилось пение, стали петь на два клироса. В обитель отовсюду стали приезжать богомольцы, много было пожертвований от благодетелей.

Много душеспасительных советов и наставлений давал старец игумении и сестрам. Он учил их, как легче приобрести навык в творении непрестанной Иисусовой молитвы, воспитывал в них смирение, безропотное и безоговорочное послушание, бдительность. Сестры этой обители в то время отличались простотой, нестяжательностью и чутким отношением друг к другу.

Сбылось предсказание старца о том, что игумения в обители будет другая. В этот его приезд управляла обителью игумения Анастасия, а игумения Лукия была переведена в другой монастырь. Надо заметить, что новая игумения неохотно приступила к великому, святому делу. Старец наставлял ее, как руководить сестрами, но игумения Анастасия тяготилась своими обязанностями, считая себя недостойной звания игумении, и потому теряла благодатную силу.

Еще при первом посещении обители отец Савва обнаружил на хорах древний образ Божией Матери «Знамение» в крайне запущенном состоянии. Он взял этот образ с собой, реставриро-

вал его и прислал обратно с наказом, чтобы этот образ особо чтили и раз в неделю (по четвергам) читали перед ним акафист Пресвятой Богородице.

Ровно через год старец опять (уже в третий раз) проездом посетил Овручскую женскую обитель. Он был очень огорчен поведением игумении, которая по-прежнему не признавала своего назначения, не носила игуменской одежды и игуменского креста, не стояла на своем игуменском месте и никого не благословляла как мать-настоятельница, по ложному смирению считая себя недостойной. От этого стала расстраиваться духовная жизнь сестер. Акафист Божией Матери до сих пор не читали, жили нерадиво.

С болью в сердце батюшка просил:

— Возлюбленные! Живите благочестиво. Если вы не примете на себя надлежащий подвиг монашеской жизни, обитель закроется.

Вскоре предсказание старца сбылось. В Овручском монастыре свили гнездо те, кто ускорили падение обители. Монастырь закрыли.

Некоторые сестры перешли в другие обители, другие подвижались в миру, строго выполняя иноческие обеты, молитвенные правила и неся послушания, назначенные старцем.

С первых же дней пребывания в Иверии начиналась его деятельная духовная жизнь. Не считая того, что с утра до позднего вечера к нему тянулась вереница людей, жаждавших его благословения и духовной поддержки, старец поставил себе целью сделать здесь много полезного для Церкви Христовой. Он очень скорбел о забытом и утерянном месте, где когда-то была обретена в третий раз глава святого Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. Своей задачей отец Савва поставил отыскать в Команских горах это святое место.

Горы Команы находятся в нескольких километрах от Сухуми. Святое место никем не посещалось десятки лет и было

всеми забыто и утеряно. Отец благословил двух своих духовных чад найти его. Две недели они бродили в горах, терпя голод и жажду, зной и ночную прохладу, и, по молитвам старца, нашли это место. Достоверность находки удалось подтвердить у одного старейшего местного жителя:

— Все так, как вы рассказываете, — сказал он. — А над скалой, где была сокрыта глава Иоанна Крестителя, на вершине горы стояла часовня.

И действительно, сохранились остатки этой часовни. Когда отец Савва в сопровождении своих духовных чад в первый раз пошел к этому месту, то всю дорогу над ними пела птица. Замолчала она только тогда, когда они пришли к цели. Путь туда шел вдоль крутого склона горы, а место, где хранилась святая глава Пророка, представляет собой большую, в рост человека, нишу в отвесной белой каменной скале и имеет форму огромной головы, лежащей на блюде. Можно было отчетливо увидеть на камне глаза, нос, подбородок. Кроме того, в «большой голове» внизу, у подбородка, выделялась «малая голова» величиной с обычную человеческую голову. Увидев все это воочию и чувствуя сердцем верность находки, отец Савва отслужил молебен и благословил одну из чад написать икону главы Иоанна Крестителя. Эта икона была приклеена в нише в правом верхнем углу. После этого сюда потянулся поток паломников и святое место стало предметом общего поклонения. Радовался старец и благодарил Бога и своих духовных чад, что они помогли ему в этом святом деле.

Побывал батюшка и в высокогорном местечке Псху (за перевалом), куда можно проникнуть только на вертолете. Это бывшее монашеское селение, где насчитывалось раньше до семидесяти церквей. Оно расположено в живописной долине, окруженной лесистыми горами. Неподалеку есть необыкновенные, таинственные горы: «Монашеская скуфья», «Серебряная» и «Святая», с которой стекают 12 источников прохладной целебной воды. На Псху отсюда слышится колокольный звон. Местные жители часто ходят на эту гору за святой водой.

В Псху тоже есть духовные чада отца Саввы. Но, к великому сожалению, здесь не сохранилось ни одной церкви. У старца возникла мысль: открыть здесь храм. Епископ Абхазский и Сухумский Роман дал согласие и обещал направить туда священнослужителя. Нужно было только желание жителей поселка, которые должны были написать прошение епископу об открытии храма. И вот батюшка благословил своих духовных чад слетать в Псху для оформления дела. Ждать пришлось недолго. В два дня было оформлено заявление, подписей оказалось больше чем достаточно. Народ радовался такой заботе о них, а один из жителей отдавал свой дом под храм. Прощение передали владыке. Таким образом, перед отъездом отца Саввы и это доброе дело было практически решено. Уезжая, он просил своих чад содействовать открытию храма, а одну из них — быть там псаломщицей.

Побывав на Новом Афоне, старец узнал об открытии Иверских пещер. Попастъ туда можно было лишь по веревочной лестнице через единственный вход — узкий отвесный колодец. Вместе с исследовательской экспедицией по благословению и молитвам батюшки одна из его чад спустилась на дно этой пропасти, где пробыла двое суток и получила исцеление от болезни (прекратились кашель и боль в груди). Она преподнесла отцу подарок — чудный прозрачный хрусталь из пещеры.

В Сухуми было положено начало чтению Неусыпаемой Псалтири среди духовных чад схиигумена Саввы. Было составлено расписание — кто, в какой час по московскому времени и какую кафизму будет читать. Список начался с сухумских чад, а через несколько недель в расписание включились другие чада из разных городов и селений. В оставшиеся часы батюшка благословил читать 9, 17, 18 и 1-ю кафизмы повторно. При этом он просил:

— Только заполняйте чтением весь свой час: не запаздывайте и не кончайте раньше ни на пять минут, ни на две минуты, чтобы свеча молитвы не угасала, чтобы вы передавали ее из рук в руки горящую. Если остается время, читайте еще пса-

лом 82 — за сохранение Церкви, обители; псалом 34 — за свое благополучие; псалом 139 — от нападения врагов. Читайте Евангелие от Иоанна — соответствующую своей кафизме главу, но никогда не кончайте чтение раньше положенного времени. Какова премудрость Божия! — восхищенно продолжал батюшка: — Наша земля, она ведь как неугасимая кафельница! Здесь заканчивается обедня, а где-то только зажигают лампадки, приступают к службе, а еще где-то поют «Се, Жених грядет в полночи». Значит, молитва на земле никогда не прекращается! Вот и мы должны составить свою неумолкающую молитву — Неусыпаемую Псалтирь!

— Однажды, — рассказывал отец Савва, — одна старица мне говорит: «Как важно хотя бы один раз в год прочитать Псалтирь!» В недоумении я размышлял: «Читал я Псалтирь и до монашества и теперь читаю. Так как же еще читать?» С молитвой стал просить у Господа вразумления — прочитать хотя бы один раз так, как сказала старица. И вот стал так осмысленно читать Псалтирь и читал ее целый год. Вот и получилось по слову старицы.

На обратном пути из Грузии батюшка посетил могилу своего старца-наставника епископа Вениамина Саратовского. Панихиду об упокоении он отслужил на дому у духовных чад, так как на кладбище это не разрешалось делать. В это время начальство монастыря прислало телеграмму в Сухуми, чтобы отец Савва срочно вернулся в обитель, иначе будет исключен из числа братии. Телеграмма не застала старца, но он, провидя духом, вернулся в монастырь раньше срока, как и было указано в телеграмме. Все обошлось благополучно, и старец остался в числе братии. Как радовались духовные чада его возвращению! Старец заметно окреп, силы его восстановились, и он радостно говорил:

— Я еще, Бог даст, проживу.

В последние годы своей жизни батюшка несколько раз находился на стационарном лечении в больнице. Врачи поражались его мужеству и терпению и самую жизнь его призна-

вали чудом, свидетельствуя о том, что с таким количеством болезней, как у него, человек жить не может.

Он очень тяжело перенес болезнь Боткина (желтуху), уже ощущал приближение смерти, но в самый критический момент Господь сотворил чудо: он получил исцеление и вместо положенных сорока дней находился в больнице лишь двадцать дней.

У него были гипертония, эмфизема легких, диабет, тромбоз, гайморит, грыжа, глаукома. Из-за глаукомы ему пришлось перенести сложную операцию. И в этот раз Господь сотворил над ним чудо. Погода в то время была сырая и холодная, и во время поездки на операцию батюшка сильно простудился. Хронический кашель усилился и был почти беспрерывным. При кашле операцию на глазах делать нельзя, но и откладывать ее было тоже невозможно — катастрофически быстро надвигалась слепота. С глубоким упованием на милосердие Божие отец Савва избрал операцию, хотя врачи не гарантировали благополучного исхода. И — о чудо! — во время операции и в послеоперационный период почти не было позывов на кашель. Операция прошла благополучно.

Провидя смятение духовных чад, которые жили в неведении о состоянии его здоровья, и желая их ободрить, старец продиктовал для них краткое письмо в стихотворной форме:

*Кто предался воле Божьей
Сердцем и душой,
Тот нашел себе навеки
Внутренний покой.
Он постиг, что Ум Великий
Правит миром сим
И ничто во всей вселенной
Не забыто Им.*

Где бы ни появлялся старец, с кем бы он ни беседовал, везде оставались следы воздействия благодати Божией на сердца человеческие по его святым молитвам. Люди перерождались, находили истинную цель жизни и истинное счастье на земле,

ибо земля для них становилась небом. Радуюсь своему перерождению, они благодарили своего благодетеля и славили Господа за Его неизреченную милость к ним. Старец воплотил в жизнь слова Спасителя: «Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, Иже на небесех» (Мф. 5, 16).

Последние

ГОДЫ ЖИЗНИ И КОНЧИНА

*Т*елесные силы старца к концу жизни слабели все больше и больше, к тому же по откровению свыше он знал, что кончина его наступит внезапно, поэтому всегда ожидал смертного часа. В одном из своих стихотворений он писал:

*Мой путь к вечности так недалек!
А о смерти я знаю немного:
Неизвестно, в какой час придет,
Но внезапно — так Богу угодно!
Не хотел бы я старцем бесплодным
К трону Господа Славы прийти,
Но с собою спасенные души
Я хотел бы к Христу привести.
Искупителю мой, Иисусе!
Смерти ночь мне с Тобой не страшна,
Но пустым к Тебе, Боже, явиться—
Вот что так устрашает меня.
И задумался я над собою...
Так прошу вас, мои дорогие:
Схороните в пещерной могиле*

*Под Распятием Крестным меня.
Будь всегда, Святой Крест, над могилой,
Где покоиться прах будет мой,
Мую душу, Иисусе Сладчайший, помилуй!
Со святыми ее упокой.*

Это стихотворение старец написал во время отпуска, находясь в Иверии. Смиренно сокрушаясь о своем недостоинстве, в конце стиха он приписал: «Много лет на свете я прожил, а добрых дел не накопил».

Свою физическую слабость он старался скрыть, особенно перед своими чадами, и, преодолевая себя, утешал всех. Обычная веселость его нрава не позволяла даже предположить, что совсем скоро он уйдет на вечный покой.

С удивительной стойкостью духа ждал он приближения конца. Его детски-чистая душа, сияя светом благодати, давно уже была готова к переходу в вечность, и в сущности своей смерть не страшила его: «Смерти ночь мне с Тобой не страшна». Он говорил о ней как о радостном событии, всю надежду возлагая на милосердие Божие, а не на свои дела. Только любовь к духовным чадам — будущим сиротам — заставляла его держаться за жизнь и подлечивать свой организм. Однако некоторых своих духовных детей старец постепенно стал подготавливать к разлуке. Батюшка открыл им, что Господь возвестил ему о его кончине: «Сказано мне: еще пять лет проживу, а если чада духовные будут усиленно молиться и исправляться, то и больше...»

Напрягая слабеющие силы, батюшка продолжал утешать приходящих к нему, но время посещения ограничило до одного часа: с 17 до 18 часов. После литургии он садился на деревянный диванчик около своей кельи, а пришедшие поочередно подходили к нему со своими нуждами, духовными вопросами. На бытовые вопросы батюшка не отвечал. Он говорил: «Я схимник. Мое назначение — молиться и спасать души». Особенно словоохотливых он урезонивал словами: «Беседа хорошо, а молитва — выше!»

Собрав все завещания в одну книгу вместе со своими стихотворениями и праздничными поздравлениями, батюшка раздавал их своим чадам. Много слез было пролито нами при чтении этой книги. Весть о близкой разлуке с любимым пастырем распространилась среди чад. Старец уже открыто говорил о своем близком конце. Однажды по окончании литургии, когда все подошли к кресту, он вышел из алтаря и сказал: «Вчера в алтаре чуть не умер, но вы помолились, и я ожил. Благодарю за молитвы. Может быть, до Успения доживу».

Однажды погода резко изменилась, подули сильные ветры, и в коридоре братского корпуса, где принимал отец Савва, гуляли сквозняки. Ночью он почувствовал сильный озноб, поднялась температура. Началось воспаление легких. От высокой температуры он горел, как в огне, его душил непрерывный кашель. Иногда приходилось давать ему кислородную подушку. Не была сна, совсем пропал аппетит. Отец Савва попросил благочинного, чтобы его соборовали. Монастырский духовник архимандрит Феофан ежедневно причащал его Святыми Дарами.

Тяжелая болезнь, с особой силой проявившаяся из-за преклонного возраста и хронической болезни легких, приняла затяжной характер: с июля 1979 года до праздника Успения Божией Матери.

Однажды в этот период батюшка испытал чувство разлучения души и тела... Вот какой случай вспомнил он в это время. На большой высоте летел самолет. Вдруг вышел пилот и сказал: «Граждане, скрывать не буду, гибель наша неминуема: управление самолетом вышло из строя. Но... среди вас есть духовное лицо». И тогда находившийся в самолете епископ встал на колени и со слезами начал молиться: «Не готов я, Господи! Продли мне жизнь для покаяния, продли жизнь и всех находящихся в самолете...» Молились и другие пассажиры.

И вот Господь сотворил чудо. Пилот вышел и сообщил, что управление работает нормально и самолет летит по маршруту.

Вспомнив это, батюшка горячо молился о продлении ему жизни. И вдруг почувствовал, что чаша загробной жизни пока миновала его...

Святая обитель усиленно молилась о выздоровлении старца, а особенно усердно — духовные чада. По всем городам они заказывали множество литургий за своего дорогого батюшку, несли усиленные молитвенные подвиги, давали Господу обеты. И действительно многие из них стали неузнаваемо молчаливы, сосредоточены, самоуглублены. Ради батюшки каждый старался на себя принять последствия искушений, поэтому в духовной семье старца установился прочный мир. От близких чад, окружавших его, эта умиротворенность, как по проводам, распространилась по другим городам. Батюшка радовался и благодарил Господа и Его Пречистую Матерь за содействующую и укрепляющую их благодать. Забывая о себе, он все время заботился о других.

После праздника Успения Божией Матери батюшка ходил в храм только по воскресеньям и в праздники, но потом здоровье его, по милости Божией, стало восстанавливаться. После этого он еще некоторое время жил в полузатворе.

Но вот наступила роковая минута... 14/27 июля 1980 года, в воскресенье, в 9 час. 45 мин. старец Псково-Печерской Свято-Успенской обители схиигумен Савва почил в Бозе. Об этом возвестил монастырский колокол. Люди собрались у трапезного корпуса, где находилась келлия старца. Узнав о его кончине, многие поспешили известить его близких, родных и духовных чад, и печальная весть быстро разнеслась по всем городам и весям. Все эти дни поезда и другие виды транспорта были переполнены пассажирами, спешащими в обитель, чтобы отдать последний долг почившему старцу. Неслись в монастырь телеграммы с просьбой отложить погребение, чтобы всем успеть проститься со своим духовным отцом.

По благословию владыки Иоанна, митрополита Псковского и Порховского, погребение старца было назначено на 30 июля — на четвертый день после его кончины.

Из тесной часовенки гроб с его телом был перенесен в Успенский храм, где непрерывно служили панихиды, чередуя их с чтением Евангелия. На четвертый день тело старца было перенесено в более вместительный Сретенский храм, где отпевание совершил наместник монастыря архимандрит Гавриил в сослужении священноиноков обители и прибывших священнослужителей — духовных чад старца. После отпевания при большом стечении народа гроб был обнесен вокруг Успенской площади и поставлен в Богом зданных пещерах, возле храма Воскресения, с правой стороны, в заранее приготовленную нишу.

Нет слов, чтобы описать скорбь, плач, рыдания осиротевших людей. Но многие из нас в то же время испытывали какое-то необычайное чувство радости: жив отец! Он не ушел от нас! Он всегда будет с нами!.. Прервалась земная жизнь ревностного подвижника, служителя Божия, стихли его пламенные речи, сомкнулись очи, приветливо смотревшие на всех, но дух его, слово его и учение будут вечно жить в сердцах любивших и знавших его людей.

Говорят: «Конец венчает дело». Да, по плодам определяется достоинство дерева, по делам человека определяется, какова была его жизнь. При жизни старец всегда помнил, что он странник и пришелец на земле, и, взыскуя Небесного Отечества, непрестанно молил Господа и Царицу Небесную, чтобы упокоили душу его в селениях праведных и Ими же веся судьбами спасли духовных чад и всех любящих и ненавидящих его. Он горячо молился всегда и за всех, за весь мир, за живых и умерших.

Во всех уголках России (даже на святом Афоне и в Иерусалиме) имя его произносится с особым уважением и любовью. А такая чистая, святая любовь приятна Господу, ибо Он Сам есть Любовь. Согласно словам апостола, он «духом горяще» работал Господу и для всех окружавших его «бе горя и света». Это был один из тех общественных деятелей, какие бывают только в Царстве Христовом и которые, не «высокая мудрствующе, но смиренными ведущеся», успевают сделать для блага ближних больше, чем сильные мира сего.

Душа старца, освободившаяся от уз тела, обрела новый путь, который Святая Церковь, понимающая пути Божии, именует блаженным: «Блажен путь, в онъже идеши днешь душе, яко уготовася тебе место упокоения». И теперь он ждет от нас не стenanий и слез, а благой памяти и молитвы, чтобы Господь, призвавший его от видимого мира во «страну живых», сподобил душу его услышать сладчайшие слова Спасителя: «Приидите благословеннии Отца Моего: наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира».

Смерть есть благо для умирающих благочестно. «Где ти, смерти, жало? где ти, аде, победа?» Мы дерзновенно верим, что Господь милостиво примет почившего раба Своего, ибо милостивых, каким был старец при жизни, ожидает великая милость Божия на Последнем Суде: «Блажени милостивии, яко тии помиловани будут».

Мир праху твоему, дорогой, незабвенный наш духовный отец и наставник!

Примеры

МОЛИТВЕННОЙ ПОМОЩИ ЛЮДЯМ

*П*родолжая книгу о старце схиигумене Савве, мы решили начать с посещения блаженной старицы схимонахини Марии, которая была близким духовным другом нашего духовного отца.

Мы, четверо, были в гостях, где в это время находилась схимонахиня, которая знала нашего батюшку, когда он был еще молодым. Она молча перебирала четки. И вдруг как-то особенно улыбнулась. Мы стали просить ее что-нибудь рассказать нам об отце, об их встречах, но она молчала.